

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА РАСНИЦЫНА

24 сентября 2011 года исполнилось 75 лет профессору Александру Павловичу Расницыну – выдающемуся зоологу и палеонтологу, признанному лидеру российской палеоэнтомологической школы.

Александр Павлович вырос в семье старой московской интеллигенции, на Сивцевом Вражке, впитав все достоинства той, почти исчезнувшей ныне социальной среды. Проявившийся еще в детстве интерес к живой природе, и в особенности к миру насекомых, привел его в кружок юных биологов при Московском зоопарке (КЮБЗ); там тогда сложилось уникальное сообщество юных натуралистов, многие выходцы из которого составили позднее гордость отечественной зоологической школы (член-корреспондент РАН Э.И. Ивантер и профессора М.В. Мина, А.К. Агаджанян, Е.Н. Матюшкин, Е.Н. Курочкин и др.). Похоже, уже в те годы у Александра Павловича проявились и интуиция натуралиста (без которой невозможно проникнуть в суть природных явлений), и навык организации полевых исследований – бесценные качества, сохранившиеся у него на всю жизнь.

Поступив на биофак Московского университета, Александр Павлович вновь попал в замечательную компанию – в студенческий кружок, группировавшийся вокруг тогдашнего зав.кафедрой энтомологии Е.С. Смирнова (Г.М. Длусский, А.Г. Пономаренко, С.П. Расницын, Ю.А. Попов, Р.Д. Жантиев, А.Л. Тихомирова, Л.Н. Медведев, Е.М. Антонова и др.). Неудивительно, что для всех

последующих поколений энтомологов та эпоха так и осталась “золотым веком Кафедры”, а Александр Павлович – одним из ярчайших ее представителей.

По окончании Университета Александр Павлович поступил на работу в Лабораторию артропод ПИНа, возглавляемую в то время Б.Б. Родендорфом; с этой лабораторией оказалась связана вся его дальнейшая жизнь. Основной принцип работы русской палеоэнтомологической школы был сформулирован Родендорфом так: изучать некоторую группу ископаемых насекомых может лишь тот, кто в совершенстве овладел систематикой ее рецентных представителей. Именно эту традицию (идти в изучении ископаемых не “от геологии”, а “от биологии”, и не рассматривать вымерших представителей группы в отрыве от рецентных) в высшей степени успешно развивал на протяжении всей своей научной деятельности Александр Павлович. Видимо, именно это позволило ему внести такой выдающийся вклад в столь, казалось бы, различные научные направления как систематика и эмбриология современных перепончатокрылых, сравнительная анатомия и филогения множества групп ископаемых насекомых, палеоэкология, теория систематики и теория эволюции (в самом широком смысле), и даже теория динамики растительных сообществ.

Трудно даже определить, в какой именно “ипостаси” Александр Павлович более известен (и ценен) научному сообществу. Для энтомологов он прежде всего один из крупнейших в мире специали-

стов по перепончатокрылым. Его монография “Историческое развитие перепончатокрылых” (1980), в которой, как уже сказано, современные и вымершие представители отряда изучались “на равных”, стала классикой, а предложенная им система отряда подвергалась с той поры лишь косметическим улучшениям. Можно упомянуть в этой связи доказанную Александром Павловичем (по совокупности как палеонтологических, так и эмбриологических данных) анцестральную природу сложных антенн *Xyelidae*, открытие которой и позволило сблизить эту реликтовую группу с гипотетическими предками отряда.

Здесь необходимо упомянуть об изысканиях Александра Павловича в области теории систематики. Пожалуй именно он раньше и четче других сформулировал, что два кажущихся “альтернативными” подхода к построению системы: фенетика (которой он в свое время отдал дань как представитель “школы Смирнова”) и филогенетика (=кладистика) в действительности взаимодополнительны, и лишь в паре друг с другом дают адекватное представление о предмете. А поскольку в последние два десятилетия кладистика приобрела отчетливые черты “единственно верного учения”, неудивительно, что Александр Павлович по сию пору числится одним из лидеров “антикладистического Сопротивления”. Будучи одним из авторитетнейших в стране знатоков зоологической номенклатуры, он внес, в числе прочего, большой вклад в правила работы с паратаксонами.

Занятия же систематикой и филогенетикой довольно естественно привели Александра Павловича в область теории эволюции, где он застал (в 1960-е–1970-е гг.) очередной “кризис парадигмы”. В СССР это было время возрождения интереса к модифицированному номогенезу (А.А. Любищев и др.) и жесткой критики селекционизма со стороны номогенетиков. А.П., однако, остался на позициях селекционизма – правда, не в его “СТЭ-шном” (майровском) варианте, а в эпигенетическом (шмальгаузенском). Вероятно, Александра Павловича следует признать, наравне с М.А. Шишкиным, крупнейшим современным представителем ЭТЭ; сформулированный им “принцип адаптивного компромисса” (гласящий, что живой организм принципиально неоптимален по любому отдельно взятому признаку, ибо объектом отбора является система как целое, а не ее отдельные параметры) перешел уже, кажется, в стадию “кто же этого не знает?”, а его представления о несводимости макроэволюционных процессов к микроэволюционным остаются предметом широкой дискуссии.

Одна из замечательных черт Александра Павловича как ученого – возникшее, вероятно, еще в КЮБЗовские времена умение не проходить мимо интересных природных феноменов, не имеющих вроде бы прямого отношения к твоим научным за-

нятиям. Так, работая как-то в экспедиции с выдающимся геоботаником С.М. Разумовским, Александр Павлович познакомился через него с полузабытой на тот момент теорией моноклимакса: она рассматривает растительные сообщества как высокоцелостные дискретные гомеостаты, имеющие равновесное (по веществу и энергии) состояние – моноклимакс, и обладающие способностью при экзогенных нарушениях возвращаться к нему путем жестко детерминированных сукцессионных смен. Александр Павлович использовал разработанные в ТМК методы диагностики целостных растительных сообществ для реконструкции сукцессионных систем прошлого; этот подход оказался весьма продуктивным для палеоэкологии и был использован, например, при изучении юрских биоценозов Сибири. Впоследствии эти модели стали одним из важных пунктов разработанной В.В. Жерихиным теории мелового кризиса. Можно напомнить и о том, как Александр Павлович обратил внимание на пыльцу, содержащуюся в кишечнике ископаемых насекомых, привлек к изучению этих материалов палеоботаников – и это открыло новую страницу в изучении континентальных экосистем прошлого.

Однако основной сферой деятельности Александра Павловича все же всегда оставалось изучение ископаемых насекомых. Создается впечатление, что нет такого отряда (ну, может быть, кроме жуков), в изучение палеонтологической истории которого он не внес бы своей лепты, а число описанных им ископаемых таксонов просто поражает воображение. Понятно, что со стороны более заметна яркая экзотика (вроде описания первого ископаемого представителя отряда *Mallophaga*, или странных мекоптероидов *Strashila*, отрядная принадлежность которых остается неясной), но главное все-таки – это гигантская повседневная работа по описанию перепончатокрылых, гриллоновых, мекоптер и прочая, и прочая. Верно говорят: “Неописанный материал как бы не существует вообще”; и именно на Александра Павловича легла крайне трудоемкая задача “развиртуализировать” огромный пласт накопленного в коллекциях Лаборатории материала. Достойным завершением этой работы стала созданная под его руководством и при его активнейшем участии коллективная монография “History of Insects” – всеобъемлющий труд по ископаемым насекомым, не имеющий даже близких аналогов в мировой энтомологии. Разумеется нельзя не упомянуть тут и о теоретических изысканиях; именно предложенная Александром Павловичем гипотеза возникновения полета и происхождения крылатых насекомых остается, пожалуй, наиболее популярной.

Огромный объем и крайнее разнообразие ископаемого материала, прошедшего через руки А.П., побудил его заняться изучением реальной динамики биоразнообразия в предшествующие геологические эпохи. Усовершенствовав, наряду с

В.Ю. Дмитриевым и А.Г. Пономаренко, существовавшие ранее методики построения кривых вымирания, он пришел к ряду важных выводов, касающихся диагностики экологических кризисов прошлого. В частности, им было показано, что кризисные явления у насекомых начинаются не в середине мела, а гораздо раньше; соответственно связь этого кризиса с экспансией покрытосеменных была более опосредованной, чем предполагалось ранее (но не менее сильной).

Александр Павлович — “старый экспедиционный волк”, участник и организатор множества энтомологических и палеонтологических экспедиций: Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Монголия, Кавказ и даже Британская Колумбия. В числе прочего он был участником почти легендарной уже, почти “джек лондоновской”, эпопеи с открытием меловых таймырских янтарей; богатейшие коллекции, собранные тогда на реке Хатанге и Таймырском озере, радикально поменяли представления и о фауне ископаемых смол, и о меловых энтомофаунах вообще. А пару лет назад Александр Павлович “тряхнул стариной” и собственноручно добыл замечательный палеоэнтомологический материал в важнейшем для понимания событий на пермо-триасовой границе местонахождении Вязники.

В этой связи следует упомянуть еще одно немаловажное качество Александра Павловича: он прекрасный коллектор. Есть множество ученых, которые умеют обрабатывать материал в лаборатории, но неспособны что-либо собрать в природе своими руками; есть гениальные коллекторы (частенько даже не имеющие образования), способные за считанные минуты отыскать в многометровой толще обнажения конкрецию с редчайшим ископаемым, и повторить эту находку потом много лет не удастся множеству “специалистов по группе”; и лишь в редких случаях “ученый” и “коллектор” совмещаются в одном лице. Александр Павлович — как раз такой. Помимо этого, он еще и прекрасный препаратор — тоже “ремесленное” мастерство, не имеющее, вроде бы, отношения к научным занятиям. Кстати, известное всей Лаборатории (и беззастенчиво ею используемое...) умение Александра Павловича чинить своими руками любое “железо” — от хитрой электроники до сантехники — явно из того же ряда...

Как известно, отличие посредственного командира от хорошего состоит в том, что первый говорит: “Делай, как я велел”, а второй — “Делай, как я”. Александр Павлович — именно такой хороший командир, и в любых сферах деятельности Лаборатории — “впереди, на лихом коне”.

Тут кажется уместным напомнить об одном эпизоде, которому сам Александр Павлович, возможно, и не придавал особого значения. В начале “лихих девяностых” множество зоологов, особенно в провинции, остались практически без средств к существованию; Сорос прислал кое-какие деньги в виде “программы по изучению биоразнообразия” — осталось “всего-навсего” их распределить... Так вот, Александр Павлович, на которого внезапно свалились эти обязанности, сумел сделать почти невозможное — деньги были поделены строго поровну на всех зоологов СНГ, без изъятия (оказалось примерно 500 долларов на человека — как раз “продержать голову над водой”) и доведены до конкретных людей напрямую, минуя все промежуточные инстанции. Сейчас в это, наверное, трудно поверить, но члены той “соросовской комиссии” себе лично не взяли из тех денег ни копейки...

Будучи личностью чрезвычайно яркой во всех отношениях, Александр Павлович, разумеется, стал героем множества легенд и апокрифов, ходящих в профессиональном сообществе. Так, например, рассказывают, будто он, задавшись, как и все читатели Станислава Лема, вопросом — “что же, все-таки, такое сепульки?” радикально разрешил проблему, описав новое семейство ископаемых перепончатокрылых — *Sepulcidae*, сепульки; и послал оттиск статьи, с соответствующими пояснениями, патриарху мировой научной фантастики; и получил от того одобрительный ответ... А самое интересное в этой байке — то, что это чистая правда!

Мы желаем Александру Павловичу счастья и здоровья — дабы он мог еще долго-долго трудиться на благо мировой науки во всех своих разнообразных ипостасях. Чтобы он подарил нам следующую “History of Insects” — не забывая при этом о сепульках!

Коллектив Лаборатории артропод ПИН